

А. Я. Каковкин

КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГАНИМЕДА

В ноябре 1925 г. Эрмитаж купил у жителя аула Кубачи Ш. Амирова коллекцию памятников восточного прикладного искусства. Среди приобретенных вещей был фрагмент ткани¹, представлявший собой небольшой медальон пурпурной шерсти (ставшей сейчас сине-зеленого цвета), вытканной по льняной основе (рис. 1, см. вкл. стр. 112).

В центре медальона, в круге, образованном узкой полоской, тканной неокрашенными льняными нитями, представлена следующая сцена: сидящая справа обнаженная фигура протягивает стоящей перед ней крупной птице кубок, сверху парит крылатая обнаженная женская фигура. В правой руке у нее венок, в левой предмет неопределенной формы. Фон оживляют завитки, выполненные льняными нитями, четыре ромбообразных украшения из таких же нитей вытканы сверху, снизу и по сторонам центрального круга.

Особенности стиля изображений и техника выполнения эрмитажного медальона, родственные большой группе памятников коптского ткачества, как и связь представленных на нем персонажей с Египтом (о чем речь будет идти ниже), позволяют считать его продукцией коптских ткачей. Вероятнее всего, этот медальон служил украшением туники.

Фигуры на ткани трактованы очень схематично, и все же в композиции угадывается сходство с широко распространенными в античном искусстве сценами, изображающими кормление орла Ганимедом. Хотя изображения на ткани довольно условны, можно различить, что фигура справа представляет юношу, сидящего, поджав под себя правую ногу, а перед ним орел².

Согласно мифу, сложившемуся в глубокой древности, по-видимому, на Крите или в Малой Азии, сын фригийского царя Троя Ганимед³ пле-

¹ ГЭ, инв. № 18582. Наибольший диаметр 14 см. Техника гобеленовая: шерсть и лен по льняной основе. Кручение нитей s-образное. Плотность ткани: 11 × 23. Сохранность: ткань по краям порвана, не хватает мелких кусков. Литература: А. Я. Каковкин, Коптские ткани из фондов Эрмитажа. Каталог выставки, Л., 1978, стр. 69, № 117.

² Аналогичны этим сценам и немногочисленные античные изображения кормящей орла Гебы. В памятниках малых размеров зачастую просто невозможно определить, Ганимед или Геба представлены на них. Так, например, произошло с эрмитажной геммой из сердолика (ГЭ, инв. № Ж 1233) (рис. 3). Большинство исследователей считает, что здесь представлена сцена кормления орла Ганимедом, но Р. Кекуле (R. Kekule, Hebe, Lpz., 1867, стр. 57) видел здесь Гебу, а М. Л. Волленвейдер (M. L. Volleweider, Stemschreiderkunst, 1966, стр. 84) полагал, что здесь представлена Афродита.

³ Родословную Ганимеда см. в «Илиаде» (XX, 231—235).

Рис. 1. Бонтская ткань X—XI вв. Эрмитаж

Рис. 2. Мраморный рельеф I в. (по греческому оригиналу III—II вв. до н. э.). Эрмитаж

нил своей красотой Зевса. По желанию верховного бога орел доставил юношу на Олимп, и здесь он сделался виночерпием ⁴. Этот миф был популярен у поэтов и художников на протяжении многих столетий ⁵. В древнейших версиях мифа о Ганимеде орел не фигурирует; начиная с IV столетия до н. э. распространяется мотив похищения юноши орлом, в котором

Рис. 3. Сердоликовая гемма конца I в. до н. э. — начала I в. н. э.

в позднеэллинистическую эпоху стали усматривать уже самого Зевса, принявшего облик птицы ⁶. П. Фридлиндер делит античные памятники с изображением Ганимеда на четыре группы: 1) орел парит с Ганимедом в воздухе; 2) юноша пока еще на земле, но орел готовится унести его; 3) Ганимед рядом с орлом; 4) Ганимед поит орла ⁷. Публикуемая ткань воспроизводит образец, относящийся к последней группе. Сюжетных аналогий нашему медальону среди античных произведений немало, особенно в глиптике и в скульптуре. Характерные примеры — мраморный рельеф (ГЭ, инв. № А. 195) римской работы I в. н. э., воспроизводящей греческий оригинал III—II вв. до н. э. (рис. 2) ⁸, и упоминавшаяся гемма (Ж 1233) ⁹. Композиции всех трех эрмитажных памятников очень схожи, сцена на ткани отличается от них наличием крылатой женской фигуры; подобного изображения нет ни в одном известном нам античном памятнике с этим сюжетом, хотя в сценах, изображающих Ганимеда с орлом, и попадаются сидящие или лежащие женские фигуры. Обычно в них видят персонификацию местности (горы Иды), либо богиню земли Гею, либо Гебу, передающую свои обязанности красавцу-пастушку ¹⁰. Нам кажется, что в парящей фигуре на эрмитажном медальоне можно видеть, вероятнее всего, быстроногую златокрылую Ириду — посланницу олимпийцев. Эту богиню на рисунках и рельефах изображали с кружкой в руке, в которой она приносила воду облакам. Вероятно, на медальоне в правой руке она держит такую кружку.

Эрмитажная ткань по праву может считаться уникальной. Нам неизвестен какой-либо другой памятник коптского ткачества с изображением Ганимеда. Правда, в литературе упоминается еще один памятник ткачества, на котором якобы представлен Ганимед. Это сасанидская набойка (10 × 10 см) на льняной ткани, происходившая из реликвария Кведлин-

⁴ Похищение Ганимеда описано в «Метаморфозах» Овидия (X, 155—161). Упоминает о Ганимеде Аполлодор («Мифологическая библиотека», кн. II, гл. 5, § 9; кн. III, гл. 12, § 2).

⁵ L. Preller, Griechische Mythologie, Bd. I, 2 Auflage, B., 1860, стр. 392—393; W. H. Roscher, Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, Lpz., 1886—1890, стр. 1595—1603; A. Baumeister, Denkmäler des klassischen Altertums zur Erläuterung des Lebens der Griechen und Römer in Religion, Kunst und Sitten, Bd. I, München und Leipzig, 1889, стр. 581—584; Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, P., s. a., t. III, 3, стр. 707; «Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen», München, 1969.

⁶ Е. Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПб., 1913, стр. 272; Preller, ук. соч., стр. 393.

⁷ Цит. по кн.: Кагаров, ук. соч., стр. 272.

⁸ Д. Буслович, О. Персианова, Е. Руммель, Мифологические, литературные и исторические сюжеты в живописи, скульптуре и шпалерах Эрмитажа, Л., 1978, стр. 37, рис. на стр. 38.

⁹ М. А. Максимова, Античные резные камни Эрмитажа, Л., 1926, стр. 72.

¹⁰ Baumeister, ук. соч., стр. 582; L. B u d d e, Antike Mosaiken in Kilikien, Bd. I, Reclinghausen, 1969, стр. 93, рис. 172; H. S c h t e r m a n n, G. K o s c h, Griechische Mythen and Römischen Sarcophagen, Tübingen, 1975, стр. 30, № 20, рис. 44, 45.

бургской церкви и хранившаяся в Берлине; Лессинг относил ее к VI—VII вв.¹¹ Херцфельд датировал ее XI—XII вв.¹² Однако предположение, что здесь представлен Ганимед, похищаемый орлом, маловероятно. Произведения с подобными композициями в сасанидской тореvтике и керамике довольно многочисленны, много и толкований этого сюжета. Исследователи, занимавшиеся этими памятниками, предполагали чуть ли не десяток персонажей, которые могли быть изображены на них: Ганимед, Талия, Гаруда, Этана, Нимруд, Зала и др. Так, например, публикуя эрмитажное блюдо VI—VII вв., найденное в Чердыни, с близким сюжетом, К. В. Тревер доказывает, что на нем представлено похищение Иштари-Сомы Индрой-орлом. В. Г. Луконин полагает, что эту композицию можно толковать как сюжет из зороастрийского мифа — богиня Анахита и священная птица (символ Михрагана)¹³.

Приведенные примеры говорят о том, что изображение сцены похищения Ганимеда орлом на вещах сасанидского круга маловероятно. Сходство их с классическими композициями на этот сюжет чисто внешнее.

Вопрос о связи с Египтом отдельных образов и сцен античной мифологии, которые долгое время использовались коптскими мастерами, представляет большой интерес. В ряде случаев эта связь убедительно раскрыта. Боги античного пантеона — Афродита, Дионис, Нил, Гея, Пап, Вулкан и др., герои древних мифов — Орфей, Геракл, Пасифая, Федра и Ишполит и др. — органически вошли в арсенал персонажей, из которого черпал сюжеты для своих творений целый ряд поколений коптских художников: скульпторы, резчики по кости, мастера бронзовых поделок, ткачи¹⁴. В цепочку этих персонажей с полным правом можно включить и Ганимеда. Изображение его встречаем на трех памятниках II—IV вв., обнаруженных в Египте: мраморном рельефе II—III вв. из Оксиринха¹⁵, известняковой плите IV в.¹⁶, костяной пластинке III—IV вв.¹⁷ На всех трех памятниках Ганимед представлен либо возносимым орлом, либо готовящимся к полету.

Причины популярности образа Ганимеда у египетских мастеров, на наш взгляд, заключаются в следующем. Атрибутом любимца Зевса был сосуд. Он-то и послужил поводом для того, что юношу стали считать гением воды по имени Ганимед¹⁸. Одновременно его начали отождествлять и с божеством источников реки Нила — впервые это зафиксированно в V в. Пиндаром (fr. 267 (110))¹⁹. Типологически Ганимед, разумеется, не имеет ничего

¹¹ J. Lessing, *Mittelalterliche Zengdrucke*, «Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen», Bd. 1, B., 1880, стр. 119—124. Дальтон ошибочно называет ее шелковой (O. M. Dalton, *Byzantine Art and Archaeology*, Oxf., 1911, стр. 598).

¹² E. Herzfeld, *Der Thron des Khosro*, «Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlung», Bd. 41, 1920, стр. 133.

¹³ К. В. Тревер, Новые сасанидские блюда Эрмитажа, М. — Л., 1938, стр. 8—18; В. Г. Луконин, Искусство древнего Ирана, М., 1977, илл. на стр. 195.

¹⁴ G. Duthuit, *La sculpture copte: statues — bas-reliefs — masques*, P., 1934; A. C. Weibel, *Hellenistic and coptic Textiles*, «The Art Quarterly», v. XI, № 2, 1948; K. Wessel, *Koptische Kunst. Die Spätantike in Ägypten*, Recklinghausen, 1963; H. Torp, *Leda Christiana. The Problem of the Interpretation of Coptic Sculpture with mythological Motifs*, «Institut Romanum Norvegiae. Acta ad Archaeologiam et artium Historiam pertinentia», № 4, 1969.

¹⁵ «Staatliche Sammlung Ägyptischer Kunst», München, 1976, стр. 251.

¹⁶ Там же, стр. 250.

¹⁷ Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art. Third to Seventh Century, «Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art, November, 19, 1977, through February 12, 1978», N. Y., 1979, стр. 169—170, № 148.

¹⁸ Древние астрономы даже поместили его в созвездие Водолея. Если исходить из зодиакального толкования образа Ганимеда, то можно связать с небом и другие изображения на ткани. На восточном конце Млечного пути есть созвездие Орла (это либо орел Зевса, либо превращенный в птицу Мероп). Нашла себе место в созвездии Зодиака и Дева, которую представляли с крыльями.

¹⁹ Preller, *ук. соч.*, стр. 392.

общего ни с египетским олицетворением Нила — древним богом Хапи²⁰, ни с образом Нила, созданным искусством Птолемеевского Египта и ставшим классическим для Рима²¹. Это был всего лишь один из многочисленных божков низшей категории, демон источников Нила. Не исключено, что память о Ганимеде как божке Нила жила среди греков и египтян и в более позднюю эпоху, но вместе с тем в первые века нашей эры Ганимед вполне мог восприниматься как аллегория на тему бессмертия героя, обретенного благодаря вмешательству божества²².

Публикуемый фрагмент ткани даже с первого взгляда производит впечатление довольно позднего. Нижней датой, вероятнее всего, может быть VII век — с этого времени с особой силой нахлынули в коптское искусство сасанидские влияния²³. В отдельных деталях, особенно в изображении птицы, явственно проступают черты сасанидского искусства: изображение царственной птицы с ошейниками и лентами на голове — мотив, встречаемый часто в торевтике, скульптуре, тканях сасанидского Ирана и стран, искусство которых испытало его воздействие²⁴.

Целый ряд особенностей эрмитажного памятника: необычайная плотность ткани, композиция, распадающаяся на отдельные части, заполнение фона изобразительными элементами (удачно названное П. дю Бурге «*hogueur du vide*»²⁵), утрированные пропорции фигурки, состоящей из отдельных элементов, схематическая передача оперения птицы черточками, обозначение только трех пальцев на конечностях человеческих фигур и т. п. — находят себе аналогии в произведениях коптского ткачества, относимых исследователями к X, а в большинстве случаев даже к XI в. Характерные примеры — образцы луврского собрания, датировка которых этим временем, предложенная П. дю Бурге, основывается на стилистическом анализе вещей, скрупулезном исследовании техники их выполнения и подкреплена в ряде случаев результатами химических анализов красителей тканей²⁶. Думается, что этим же временем можно датировать и эрмитажный медальон²⁷.

В связи с публикуемым памятником возникает вопрос: чем объяснить бытование в столь позднюю эпоху античных персонажей и классических сюжетов в коптском искусстве, в частности в тканях? Известно, что некоторая часть персонажей античного пантеона «прижилась» в христианстве, так как, по мнению Китцингера, «они были созвучны христианской символике и как аллегории могли быть использованы в христианском контек-

²⁰ Об иконографии Хапи см. М. Э. М а т ь е, Древнеегипетские мотивы на коптских тканях, ТОВГЭ, т. III, 1940, стр. 127—130, рис. 7. Ср. с бронзовой статуэткой VII в. до н. э. из ГМИИ (М. Э. М а т ь е, Древнеегипетские мифы, М.—Л., 1956, стр. 155, табл. I).

²¹ Об эллинистическом образе Нила см. М а т ь е, Древнеегипетские мотивы..., стр. 129 сл. Характерные примеры: скульптурная группа «Нил» в Ватикане, изображение Нила на медальоне IV в. из ГМИИ, ряд монет александрийского и римского происхождения с изображением Нила в образе старца и т. п.

²² S. Lewis, A Coptic Representation of Thetis at the Forge of Hephaistes, AJA, v. 77, № 3, стр. 312.

²³ J. Vesckwith, Coptic Textiles, «CIBA Review», v. 12, № 133, August 1959, стр. 17.

²⁴ А. А. И е р у с а л и м с к а я, К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде, в кн. «Средняя Азия и Иран», Л., 1972, стр. 26—27.

²⁵ P. du Bourguet, Musée National du Louvre. Catalogue des étoffes coptes, v. I, P., 1964, стр. 18.

²⁶ Там же, X 4947 (G 90), стр. 376—377; AC 326 (G 109), стр. 383; AC 305 (G 93); стр. 377; AC 448 (H 16), стр. 499; AC 449 (H 17), стр. 500; AC 450 (H 18), стр. 500; AC 451 (H 19), стр. 501, и др.

²⁷ Характерно, что на некоторых из луврских тканей представлены образы из античной мифологии: G 93 — Пасифая и бык (или похищение Европы), H 16 и H 19 — Перас.

сте»²⁸. Например, Диониса и менаду превратили в Адама и Еву, рождающуюся в раковине Афродите воспринимали как появляющуюся в водах крещения христианскую душу, Орфей стал добрым пастырем, в эротах и никах видели ангелов, а в Леде с лебедем усматривали даже изображение непорочного зачатия²⁹.

Но были и другие, не менее веские причины, благодаря которым на протяжении многих веков коптские мастера продолжали изображать античных персонажей. Представляя на надгробных памятниках и тканях бессмертных античных богов или героев, многие из которых либо обрели бессмертие (Геракл, Орфей, Ганимед и др.), либо олицетворяли собою возрождение (Адонис, Эней, Ипполит и др.), люди связывали с ними свою неистребимую веру в будущее возрождение, воскресение. К тому же зачастую самих умерших они представляли в облике различных героизированных персонажей³⁰.

Примечательно, что старые художественные традиции и образы долгие сохраняются на дешевых тканях, которые ткачи изготавливали для себя и людей своего круга. Это примечательное явление можно, по-видимому, объяснить тем, что в столь позднее время копты воспринимали классическую тематику как нечто свое, родное; обращением к ней они как бы утверждали ценность своего культурного и исторического прошлого.

Нам кажется, что длительное сохранение сюжетов и персонажей античной мифологии в коптском искусстве времени господства арабов можно рассматривать как синхронное, но независимое явление, аналогичное стремлению византийцев в ту же пору возродить классическую тематику³¹. Для коптов осуществить технически в ткачестве это было нетрудно: мастера пользовались образцами — своеобразным набором различных рисунков, узоров и композиций³². На протяжении столетий ткачи прибегали к этим образцам, создавая произведения, на которых в то же время неизменно оставался отпечаток и дарования мастера, и художественных требований, и вкусов эпохи, в которую он жил.

Публикуемая коптская ткань с изображением Ганимеда подтверждает это.

A COPTIC TEXTILE REPRESENTATION OF GANYMEDE

A. Y. Kakovkin

The author discusses a Coptic textile from the Hermitage (inv. No. 18582) on which Ganymede is depicted feeding the eagle, a scene which was widely popular in Graeco-Roman art. The Ganymede figure also had old and firm ties with Egypt, where he appeared not only as Zeus's favourite and cup-bearer to the gods on Olympus but also as a divinity presiding over the source of the Nile. In style and technique the Hermitage textile is associated with a large group of Coptic textiles from the 10th and 11th centuries and may therefore be dated in that period. So late a date for this object testifies to the persistent vitality of ancient themes and characters among the Copts.

²⁸ E. K i t z i n g e r, *The Hellenistic Heritage in Byzantine Art*, «Dumbarton Oaks Papers», t. 17, Washington, 1963, стр. 115.

²⁹ Т о р р, ук. соч., стр. 103—105; J. L a u z i è r e, *Le mythe de Léda dans l'art copte*, «Bulletin de l'association des amis de l'art copte», v. II, Caire, 1936, стр. 38—46.

³⁰ Весьма вероятно, что изображения на тканях, в которых хоронили умерших, по представлениям христиан, играли ту же роль, что и за несколько столетий до этого: старая вера в силу изображений как оберегов усопших продолжала жить, несколько изменился, согласно с новыми религиозными воззрениями, лишь набор этих изображений. Исследование этой сложной проблемы только начинается, см. S. L e w i s, *The Iconography of the Coptic Horseman in Byzantine Egypt*, «Journal of the American Research Center in Egypt», t. X, 1973, стр. 27—63.

³¹ А. В. Б а н к, *Прикладное искусство Византии IX—XII вв. Очерки*, М., 1978, стр. 164; K i t z i n g e r, *The Hellenistic Heritage...* стр. 115.

³² R. B e r l i n e r, *Horsemen in tapestry roundels found in Egypt*, «Textile Museum Journal», v. 1, № 2, December 1963, стр. 50—51.